

дователей обращения к средневековой греческой письменности: в связи с этим можно назвать работы В. П. Адриановой-Перетц,⁴⁷ Н. А. Меццерского,⁴⁸ Д. С. Лихачева,⁴⁹ П. Д. Успенского,⁵⁰ М. А. Салминой,⁵¹ Л. С. Контун.⁵²

В заключение необходимо отметить, что с конца 1940-х годов возобновлено преподавание греческой палеографии и актору на стоищого обора приходилось вести занятия по этой дисциплине со студентами и аспирантами высших учебных заведений Ленинграда, Москвы, Тбилиси,⁵³ Свердловска и Киева.

И. И. ГОЛОВ

СКОРОПИСАНИЕ ИЛИ СКОРОПИСЬ?

(Об уточнении термина)

В последнее время заметно усилился интерес советских исследователей к палеографии: вышли три учебника,¹ появились работы по истории и отдельным проблемам палеографии.² Однако

⁴⁷ См.: В. А д р и а н о в а. Жизнь Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Изр., 1917.

⁴⁸ См., например: Н. А. Мецц е р с к и й. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV веков. Сб. «Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII веков», М.—Л., 1964, стр. 180—231.

⁴⁹ Например: Д. С. Л и х а ч е в. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 119—129.

⁵⁰ П. Д. У с п е н с к и й. Древнерусское книжное искусство. М., 1965.

⁵¹ М. А. С а л м и н а. Бититарий и «Новости о начале Москвы». Труды Отдела древнерусской литературы, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 362—363.

⁵² Л. С. К о н т у н. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963.

⁵³ Молодой грузинский палеограф Л. Каджия опубликовала (на грузинском языке с кратким русским резюме) две работы по грузинской палеографии с привлечением материала из греческой палеографии. См.: Л. К а д ж и я. 1) Путизации в древнегрузинских рукописях (V—X века). Изв. Инст. рукописей АН ГрузССР, т. V, Тбилиси, 1963, стр. 67—83; 2) Раздельные знаки в древнегрузинских рукописях (VII—X века). Сб. «Палеографические разыскания», т. I, Тбилиси, 1965, стр. 33—44.

¹ «Русская палеография» Э. В. Черешиня (М., 1956) и книга с таким же названием М. И. Тихомирна и А. В. Мурашова (М., 1966). Любопытно отметить, что эти книги с одинаковым названием резко различаются по объемам — 378 и 55 страниц. Вероятно, это отражает различие в понимании их авторами объема изучаемого предмета. Третья книга с таким же названием — переводная учебника В. П. Щенкина (авторство ее датировано в 1918 г.) — появилась в 1967 г.

² Книга М. П. Жуковской «Развитие славяно-русской палеографии» (М., 1963), исследования по филиграммам С. А. Клемякова и М. П. Кукуш-

остается еще много не решенных до конца проблем и в числе их — вопрос о происхождении скорописи. Предлагаемая статья, не претендуя на окончательное решение этого вопроса, имеет своей целью лишь поставить его и сообщить кратко, отнюдь не исчерпывающие сведения о существующих на него взглядах.

В дореволюционной палеографии на скорописи обращалось гораздо меньше внимания, чем на устав и полуустав. Объяснить это легче всего тем, что основоположники русской палеографии — лингвисты и литературоведы (Н. И. Срезневский, А. Н. Соболевский, В. И. Щеглин) — изучали преимущественно рукописную книгу. Акты же и грамоты были больше предметом описания архивистов-практиков, чем объектами научного исследования; поэтому письму документальных материалов — скорописи — посвящались преимущественно практические пособия. Однако не следует забывать, что скоропись в XVII и XVIII вв. была в значительной степени письмом не только документов, но и книг.³

Традиции дореволюционной русской «филологической» палеографии прекратились на трудах Н. М. Каршицкого и Е. Ф. Карского; долгое время и Советском Союзе вообще не выходили труды и учебники по палеографии. Но практическая работа по описанию и изучению рукописных материалов в старейших библиотеках и главных архивах нашей страны продолжалась; нередко появлялись и публикации на палеографические темы. Так, например, в 1939 г. вышла небольшая статья Н. Ф. Колесникова «Палеография документальной (архивной) письменности».⁴ Поэтому не случайным был выход в первый же год после Великой Отечественной войны учебника русской палеографии Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина. В нем ясно намечаются основные современные тенденции в развитии русской палеографии: хронологические рамки были раздвинуты до XVIII в., большое внимание было уделено актам и грамотам.

книгой, диссертации М. В. Пальмой, Л. М. Костюминой и Т. Г. Уловой по каллиграфическому письму и орнаменту и многие другие, перечисленные в статье М. В. Кудрявцевой «Славянская палеография» (Помогательные исторические дисциплины, 1, М., 1968, стр. 73—94).

³ С этим же согласен А. Г. Шидлов: «Конечно, скоропись имеет распространение и в книгах XVII в., но это не может служить аргументом в пользу того, чтобы рассматривать ее как книжное письмо» (Графическая основа русского гражданского шрифта. М.—Л., 1947, стр. 18). Здесь же скоропись называется «эпистолярным» видом письма, а устав и полуустав — «книжным». Однако этот «эпистолярный» вид письма нашелся едва ли не в большинстве книг XVII в., начиная с роскошных изданий Псковского приказа и кончая бесчисленными рукописными сборниками, сохранившимися в читальнях и самых широких демократических кругах. При этом, например, роскошный «Хризмодитон» 1673 г., написанный отнюдь не уставом или полууставом, и документальные грамоты написаны «большим книжным письмом» (Н. М. Кудрявцев и Архангерисово деяство. М.—Л., 1957, стр. 96).

⁴ Архивное дело, № 4/52, 1939, стр. 15—35.

Как определялось и называлось советских исследователей основное письмо деловой письменности — скоропись? «Скоропись, как показывает само название, есть тип письма, ускоривший процесс его», — пишет Н. Ф. Колесников.⁶ В книге Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина скоропись сначала называется «третьим по времени типом почерков русских рукописей», а потом говорится, что она «появляется прежде всего в целях удовлетворения все возрастающих практических потребностей и широким образом рода грамот, деловых записей, книг и т. п.»⁷ В книге Л. В. Черепнина скоропись называется то «особым типом делового письма» (стр. 26), то «беглым письмом» (стр. 30), хотя перед этим неоднократно говорится о «беглом полууставе», то «почерком, рассчитанным на существенное ускорение процесса письма» (стр. 247).⁸ Из всех этих определений не создается ясного представления, что такое скоропись — «тип письма» или «почерк». И почему тут получается альтернатива, когда логично предположить, что первое понятие — родовое, а второе — видовое (в пределах одного типа письма могут существовать различные почерки, в том числе и индивидуальнее у отдельных писцов).

Относительно времени появления скорописи Л. В. Черепнин пишет: «Скоропись появилась уже в XIV в. Однако образцов ее, относящихся к этому времени, сохранилось слишком мало. В учебниках текстах скоропись настолько близка к полууставу, что ее трудно отличить от этого типа письма» (стр. 361). Такую же датировку появления скорописи находим и в учебнике В. И. Щенкина, который считает, что «не только отдельные почерки этой древнейшей скорописи все принадлежат русскому полууставу, но также и орфографическая система».⁹

Возникает вопрос: если в XIV в. образцов скорописи очень мало и они еще похожи на полуустав, то надо ли их считать сначала особым типом делового письма? Рецензент же книги Л. В. Черепнина пошел «в глубь веков» и выразил пожелание «выявить тенденции к развитию скорописи уже в ряде памятников XI в.». Что здесь имеется в виду, надо прочесть немого шаше: «Нужно бы очень любопытным и плодотворным сравнение особенностей письма берестяных грамот с листами литургических рукописей, написанных более мелким и небрежным письмом, чем канонический текст».¹⁰ Последуем этому совету и обратимся к берестяным грамотам.

⁶ Там же, стр. 20.

⁷ Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1946, стр. 145.

⁸ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956.

⁹ В. И. Щенкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 136.

¹⁰ Е. Ф. Гранстрем. Рец.: Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956. История СССР, 1958, № 2, стр. 162.

«Своеобразие начертаний на бересте посредством продавливания знаков требует создания особого раздела палеографии», — пишет автор первой статьи по палеографии берестяных грамот.¹⁰ С этим согласен и Л. В. Черепнин, считая письмо берестяных грамот «прототином полуустава и скорописи».¹¹ Посмотрим, какие графические элементы скорописи находятся в берестяных грамотах.

Л. В. Черепнин перечисляет следующие способы «существенного ускорения письма» в скорописи: сокращения слов, выносные буквы, вариативность начертаний «одних и тех же букв и зависимости от удобства пера», связность написанной соседних букв, наконец, свободу «нажимов и взмахов пера».¹² Л. И. Жуковская отмечает, что в берестяных грамотах лишь встречается случай сокращения слова как с вынесением буквы над строкой, так и без нее.¹³ Относительно вариативности букв она пишет более осторожно: «Можно полагать, что лицам, писавшим берестяные грамоты, было знакомо регламентированное употребление дублетных букв».¹⁴ Что же касается связности написанной буквы и свободы взмахов, нарушающих в скорописи двухлинейность письма, то достаточно взглянуть на любую берестяную грамоту или на их прорис и фотографии, чтобы убедиться, что и то, и другое в них полностью отсутствует.

Итак, в новгородских берестяных грамотах — древнейших памятниках деловой, если не сказать бытовой, письменности — не находится важнейших и определяющих графических элементов скорописи. Стало быть, здесь мы имеем дело не со скорописью как типом письма, а лишь с фактами скорописания. Как можно это объяснить?

Посмотрев на то что находка и введение в научный оборот берестяных грамот доказали широкое распространение письменности среди народа (хотя бы в Новгороде, так как аналогичные находки в других местах единичны), не надо забывать, что книжная письменность до XV в. преобладала. И у грамотных людей того времени, в том числе и по бывшим профессионалами-писцами, не было перед глазами других образцов письма, кроме устава — строгого, регламентированного двухлинейного письма. Поэтому ускорил процесс письма и при этом полностью игнорируя каллиграфию, авторы частных писем и записок на бересте заимствовали не только форму букв, но и саму манеру письма уставных книг.

¹⁰ Л. И. Жуковская. Палеография. В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, стр. 4а.

¹¹ Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 160. Это утверждение вызывает сомнения: столь разные по своим графическим принципам типы письма вряд ли могут иметь общий прототип.

¹² Там же, стр. 247.

¹³ Л. И. Жуковская. Палеография, стр. 73.

¹⁴ Там же, стр. 72.

В этих книгах находили опыт в образцы скорописания — в заголовках чтений, в меснедсловях, в различных приписках и пометах. Но было ли это новым типом письма?

При определении времени появления скорописи очень важно иметь в виду, для чего и в каких социально-экономических условиях она могла появиться.

Еще В. П. Щенкин отметил, что «скоропись характеризует эпоху, когда письмо распространено не только в качестве потребности высшей культуры, но также и в качестве орудия практических целей. . . в силу усложнения государственного управления и частного хозяйства».¹³ С ликвидацией феодальной раздробленности Древней Руси и созданием Московского государства образовался и стал быстро расти бюрократический аппарат, появились условия для возникновения и развития специального письма деловой письменности. И таким письмом стала скоропись — тип письма, в своей графической основе принципиально отличный от предшествовавших ему уставов и полууставов.

Скоропись разрушила веками сложившиеся принципы книжного письма — его двухлинейность, однотипность начертаний буквы, ясность и простоту линий, среди которых преобладали прямые, одинаковой на всем протяжении толщины. Решительные замахи пера вверх и вниз, изменение толщины линии в одном и том же штрихе или рочерке, дублирование начертаний многих букв, в том числе выносах, наконец, замедленная вычурность всего письма в целом — все это главное, определяющее особенности нового типа письма. И особенно ярко отразились они в московской скорописи, резко отличая ее от западнорусской, сложившейся под заметным влиянием южнославянской письменности.¹⁴ Вычурность и замедленность скорописного письма развивались параллельно с усложнением языка русской деловой письменности, в которой уже в XV—XVI вв. появляются замысловатые выражения, громоздкие синтаксические конструкции и многое другое, вышло расцветшее потом в бюрократическом языке, до сих пор засоряющем живой разговорный и литературный язык.

Появление в истории русской письменности скорописи было своеобразным революционным вариантом, происшедшим где-то в начале XV в., когда создавались для него благоприятные условия, в первую очередь социально-экономические. Все, что наблюдается до этого времени «в недрах» уставов и полууставов, было лишь накоплением новых качеств, проявлением тенденции скорописания, но отнюдь не скорописью — новым и пребывавшим до сих пор типом

¹³ В. П. Щенкин. Русская палеография, стр. 107.

¹⁴ Подробнее см.: Vladimir Moštin. Metodološke bilješke o tipovima pisma u cirilici. Slovo. časopis Staroslavenskog instituta, br. 15—16, Zagreb, 1965.

письма, в основе которого лежит совершенно отличная от устава и полуустава графическая система.¹⁷

Такими же фактами подтверждают некоторые исследователи появление скорописи в XIV в. и даже раньше?

Если В. П. Щенкин бесспорно говорит о «некоторых грамотах», то И. С. Чаев и Л. В. Черепнин называют грамоты великого князя Московского Симеона Гордого середины XIV в. Но достаточно взглянуть хотя на одну из них, чтобы убедиться в том, что их письмо совершенно не похоже на скоропись XV—XVI вв. Небрежно написанные буквы сохраняют двухлинейность письма; они написаны прямо, без наклона, с некоторыми особенностями графики уставных почерков (например, буква «и» с наклоненной вправо перекладной); слова написаны с минимальным числом сокращений и выносных букв. Все это делает письмо рассматриваемых документов больше похожим не на скоропись последующих веков, а на древние берестяные грамоты.¹⁸

Близость письма некоторых актов конца XIV—начала XV в. к письму берестяных грамот отмечается и авторами новейшего советского учебника русской палеографии.¹⁹ Эта книга отличается обилием репродукций текстов памятников древнерусской письменности: на 55 страницах изложения курса палеографии приходится 104 страницы иллюстраций, в подавляющем большинстве памятников деловой письменности.

Важно отметить, что в определении типа письма старейших русских актов и грамот авторы этой книги проявляют чрезвычайную осторожность. Для многих образцов XV—XVI вв. такое определение вообще отсутствует, обращается лишь внимание на особенности графики и орфографии (Приложения, №№ 13, 16—18). Большинство грамот XV в. определяется написанными «деловым полууставом» или просто «полууставом» (№№ 9, 10, 12), лишь в одном случае — в Буцней 1540 г. — отмечаются «характерные для скорописи XVI в. большие буквы» (№ 21). Все это можно признать проявлением даже излишней осторожности: Буцня 1527 г. (№ 18), например, написана довольно четко выраженной скорописью. Но не показательно ли, что эта «сверхосторожность»

¹⁷ Радикальные изменения графики и орфографии, связанные с появлением скорописи, отмечаются и в византийской письменности. См.: В. А. Мошин. «Ренессанс» у истории ереськи православя. Библиотечка, бр. 6, Белград, 1964.

¹⁸ Часть одной из этих грамот воспроизведена в «Практическом курсе изучения Древней русской скорописи» И. С. Чаева (М., 1907, стр. 77). Автор этого популярного учебника, утверждая бесспорность различия между появлением скорописи и утратой чистого полуустава, рекомендует считать признаками скорописи «вид написания букв — не менее трех четв-рех» (стр. 3). Наличие отсутствия этого признака, вероятно, Духовная Симеона Гордого приводится им в качестве примера полуустава.

¹⁹ М. П. Тимохири и А. В. Муравьев. Русская палеография.

проявлялся в учебнике, явно предназначенном для обучения в первую очередь архивистов-практиков.

Как же все-таки можно определить грань между «беглым» или «деловым полууставом» и скорописью? Предлагаю следующую «рабочую формулировку», требующую обсуждения и уточнения.

Скорописью можно считать лишь такое письмо, в котором последовательно и радикально разрушаются основные графические особенности устava в полуустava: принцип двухлинейности письма в целом и прямолинейность большинства элементов, составляющих его буквы. При этом второй признак является, пожалуй, определяющим. Так, например, в Купчей XIV—XV в., воспроизведенной в книге М. П. Тихомирова и А. В. Муравьева (Приложение, № 9), рисчерки пера вверх и вниз письма многочисленны, но подавляющее большинство из них прямые, а не кривые линии, не нарушающие общего впечатления прямолинейности письма, хотя его двухлинейность и нарушается. И таких примеров «делового полуустava» в XV и даже в XVI в. можно привести немало.

Большое значение имеет, наконец, и функциональное разделение между полууставом и скорописью, которое достаточно отчетливо представляли себе уже некоторые русские книжники. Только так можно объяснить случаи смены полуустava скорописью в одной и той же книге, одним и тем же писцом, подчас в одной и той же строке.

Так, например, «священночнок Семеннице» писец Аностола первой половины XVI в. из Соловецкой библиотеки (ГПБ, Солод. № 26),²⁹ два раза переходит с полуустava на скоропись там, где на смену основному, читаемому вслух при богослужении тексту приходит комментирующий или справочный материал — «Пролог кафоличным епископам», т. е. Предисловие апостольских посланий к различным церквам (л. 91 об. — 92), и оглавление Послания к коринфянам (л. 177 об. — 178). И в последнем случае переход от полуустava к скорописи сделан среди фразы: написал четыре строки полууставом, писец с пятой переходит на скоропись (см. иллюстрацию). Наконец, скорописью сделана и выходная записка, но уже совсем другим почерком. Стало быть, «Семеннице» не только владеет различными почерками скорописи, но и знает ее функциональное отличие от полуустava. Продолжая текст,

²⁹ В авторском примечании к описанию рукописи Соловецкого монастыря (ч. 1, Иванов, 1881, стр. 83—86, № 83) рукопись датируется XV в. Однако в приписке писца, где упоминает игумен Феодосий (и это имя носил один из первых соловецких настоятелей), дата и имя писателя выскочены; последние надписаны подложным почерком и не в традиционной для соловецких книг шестецкой форме. Филигрань бумаги дает основание отнести этот Аностол лишь к первой половине XVI в. А подписание в находящей записке ставит под сомнение и его написание на Соловках.

начатый им полууставом, скорописью, он применял не слишком контрастирующий с остальным письмом почерк. А в приписке — на отдельной и последней странице, она отшибет от текста книги — он употребил другой, совсем не «книжный» почерк — тот самый, вероятно, каким он писал свои частные письма.

Прием, примененный писцом этого Люстола, не оригинален и не нов — так делали его предшественники, даже и очень отдаленные. Переписывая литургические тексты, они в тех местах, которые не читались вслух, а лишь указывали, когда и что нужно читать, переходили на то самое «более мелкое и небрежное письмо», в котором рецензент книги Д. В. Черепнина усмотрел тенденцию к развитию скорописи уже в XI в. Однако это были всего лишь поправки ускорить процесс письма, поиски для этого способов внутри существующего типа письма, а не попытки создания нового типа письма. Это было скорописание, но далеко еще не скоропись. И таким «мелким и небрежным» письмом в старейших русских книгах писались обычно лишь небольшие куски, и когда надо было написать более пространный «посторонний» текст, прибегали к другим способам.

Для иллюстрации обратимся к старейшей русской книге — к Остромирову евангелию, к его последней части, озаглавленной «Сборникъ црсьевъный» (с л. 210 об.). Здесь постоянно чередуются два почерка. Крупным, каллиграфическим уставом, как в первой, большей части книги, написаны тексты евангельских чтений или их начальная фраза (когда есть отсылка к ранее написанным текстам); мелким и несколько небрежным почерком — все остальное: названия месяцев и праздников, имена святых, отсылки. Разница между «большим» и «малым» уставным письмом подчеркивается и оформлением инициалов: большие и тщательно разрисованные, как в первой части книги, — в начале евангельских чтений; меньшего размера и не так тщательно разрисованные — в указателях к ним. Некоторая свобода «малого» письма сочетается с проявлениями лексической вариативности: ищешь, как будто устав от канонического текста с его заезженными оборотами (например, от бесконечных повторений словосочетаний «Въ прѣмѣ оно» и «Речи господь»), там, где можно сказать своими словами, старается разнообразить текст. Так, например, для отсылки употребляется не менее трех выражений: «прежде писано» или просто «писано», а чаще — «ици» там-то.

Приведем еще один пример — из Паремийника 1271 г., написанного тремя писцами.²¹ Первый из них сделал краткую выходящую запись мельчайшим, но каллиграфическим уставом

²¹ ГИБ, Qп1 № 13. Подробнее см.: Н. М. Карпиевич, Паремийник 1271 года как источник для истории некоего письма и азбуки, Сб. Отделения языка и словесности, т. 110, № 3, 1928, стр. 234. В статье отмечается, между прочим, что «возвратки двух первых писцов (отца и сына) «превращаются» почти одна на другую».

(л. 73 об.). Второй сделал приписку: «Сю царьню писалъ азъ Олоуферие сынъ Захарыиъ, а концахъ въ вторыхъ небныхъ неделяхъ» (л. 94). Не владея, вероятно, мелким уставом, Елеферий написал это такими же крупными буквами, как и основной текст. Но помету, комментирующую не основной текст, а выходную записку — «Отець писалъ досюду» (л. 73 об.) — он сделал мелким и небрежным письмом. Если бы в то время существовали скорописи, то оба писца этого Царемийича скорее всего его бы и воспользовались, как это сделал «Семеничев».

Приведенные примеры письма основной и вспомогательной частей текста в трех литургических книгах XI—XVI вв. хорошо иллюстрируют функциональную разницу между уставом и скорописью. Однако этим двум типам письма не пришлось существовать одновременно; к моменту появления скорописи устав был уже вытеснен полууставом. Последний в течение веков своей многовековой истории оставался книжным письмом, а скорописи с самого начала существования была письмом деловой письменности. И в богослужебных книгах она использовалась иногда лишь для побольших «вспомогательных» текстов. В четках же юнгах, особенно внецерковного круга чтения, скорописи в XVII и XVIII вв. несколько «шотесила» полуустав, но не вытеснила его совершенно: функциональное размежевание этих двух типов письма обусловило их «мирное сосуществование».

Итак, при определении термином «скорописи» письма какой-либо книги (о грамотах — речь особая) надо, во-первых, учитывать значение последней. Во-вторых, и это главное, скорописи, как принципиально новый и резко отличающийся в своей графической основе от устава и полуустава тип письма, не следует путать со скорописанием — понятием скорее психологическим, чем графическим. И сохранившийся материал дает основание говорить о скорописи (как о типе письма) не ранее как с начала XV в.

С. М. ВАНТАНОВ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДРЕВНЕРУССКОГО АКТА

В русской дипломатике всегда уделялось мало внимания конкретной методике работы над актом. Исключение составляют труды А. С. Лаппо-Данилевского и его учеников.¹ Но даже и этих иссле-

¹ А. С. Лаппо-Данилевский и др. 1) Служилые кабылы поаднейшего тыпа. Сб. статей, посвященных Василию Семеновичу Ключевскому, ч. II, М., 1900; 2) Очерк русской дипломатии частных актов. Пгр., 1920;